

Я сжала руки, дрожа от тревоги, стоя перед кабинетом отца.

Мне было неловко обращаться к нему таким образом, учитывая, что он отправился в королевский замок, даже несмотря на выходной, и с самого ужина заперся в своем кабинете.

И все же я не могла продолжать жить так, как есть. Если у меня была хоть какая-то надежда найти новый путь, мне сначала нужно было склонить его к своему образу мыслей.

Сконцентрировав решимость, я глубоко вздохнула, прежде чем постучать в тяжелую дверь.

— Войдите, — прозвучал его голос изнутри.

Сглотнув, я приоткрыла дверь.

Мой отец, сидевший за столом, нахмурился, увидев меня, но быстро отложил перо, прежде чем обратиться ко мне.

— Редко ты заходишь ко мне в кабинет, Юфи.

— Простите, что беспокою вас в такой поздний час, отец, но я хотела бы попросить у вас немного времени? — Мои кулаки все еще были изо всех сил сжаты в отчаянной попытке успокоить дрожащее тело.

Отец на секунду отвел взгляд, прежде чем подняться с места.

— Садись, — сказал он, указывая на стоявший рядом диван для посетителей.

Как только мы уселись друг напротив друга по обе стороны столика, он снова заговорил, обращаясь ко мне простым вопросом:

— Что привело тебя сюда сегодня?

Его глаза выпрашивали, но я знала, что такое выражение для него не было необычным. И все же одна мысль о том, как может развиваться этот разговор, наполняла меня страхом.

— Мне есть что обсудить с вами, отец.

— О? Это необычно.

— Отец... Действительно ли леди Анис должна стать следующей королевой?

Этот вопрос вызвал немедленную перемену атмосферы в комнате. Воздух внезапно стал напряженным — я едва могла дышать.

Заставляя себя выдерживать это гнетущее чувство, я как можно дольше держала взгляд отца. Через мгновение он закрыл глаза, отводя взгляд.

— Почему ты спрашиваешь об этом меня?

— Потому что я не хочу, чтобы ей пришлось стать королевой.

Как отреагирует отец на это? Словами упрека? Или разочарованием? Я выпрямила спину, готовясь к его ответу, каким бы он ни был.

Его выражение не изменилось. Не знаю, как долго мы смотрели друг на друга, но наконец он вздохнул, чтобы разорвать вызывающую тошноту тишину.

— Необычный вопрос. Но настоящая проблема в том, что, кроме принцессы Анисфии, нет других подходящих наследников, имеющих право взойти на престол. Более того, условия для наследования кем-то другим, связанным с королевской кровью, строго определены. Принимая во внимание все обстоятельства, она — единственная подходящая кандидатура. Ты ведь понимаешь это, Юфилия?

— Да...

— Если быть точным, если бы была другая возможность, стоило бы ее изучить. До недавнего времени наследником был принц Альгард, но теперь он не является жизнеспособным вариантом. Исходя из этого, я считаю, что следующим человеком, который должен править, должна стать принцесса Анисфия.

Я скрипнула зубами от ответа отца. Я не могла оспорить его аргументы, но сердце разрывалось, слыша, как ситуация излагается так бесстрастно.

— Ты говоришь, что не хочешь, чтобы принцесса Анисфия унаследовала трон. Тогда кто, спрашиваю я, должен? Королевству нужен правитель. При отсутствии короля или королевы королевство рухнет. И дворяне, и простолюдины лишатся жизненно важного стабилизирующего влияния. Мы должны избежать этой возможности любой ценой. Сохранить королевство и защитить народ — это наша роль как дворянства.

Слова отца были несомненно верны. Королевство могло существовать только с монархом, правящим им. Вот почему кто-то должен был унаследовать трон — иначе Королевство Паллетия распадется.

Я также знала, что именно королевская семья обязана нести это бремя ответственности. Но даже так, улыбка леди Анис, та безупречная улыбка, так искусно скрывающая ее истинные чувства, снова всплыла у меня в голове.

— Леди Анис может расколоть страну. У нее нет талантов, ожидаемых от королевской особы.

— И все же, — ответил отец.

— И все же? — повторила я.

— Ты должна понимать, Юфилия. Потребовалось много времени, но королевство стало искаженным, извращенным. Естественно ожидать обратной реакции, когда мы пытаемся исправить эти деформации.

— Вы имеете в виду разрыв между дворянством и простолюдинами? Из-за веры людей в духов?

— Способность использовать магию долгое время считалась особой привилегией аристократии. Благословения духов были необходимы при основании Королевства Паллетия как государства. Однако, зайдя слишком далеко в этих убеждениях, ты обречен повторить трагедию нашего бывшего короля.

— Вы имеете в виду государственный переворот во время правления дедушки леди Анис?

— Именно. Этот инцидент чуть не разорвал королевство надвое, поэтому Его Величество

всегда стремился править в гармонии со своими подданными. Нельзя отрицать, что результатом стали дальнейшие искажения в ткани общества. Однако также верно и то, что люди сейчас живут в добром здравии. Возможно, были способы противодействовать проблемам, затрагивающим общество, путем создания дальнейших разделений, но Его Величество решил не идти по этому пути.

Король Орфанс сумел отсрочить разрушительное будущее, но его усилия не решили проблемы в корне. И эти проблемы все еще затрагивают всех нас сегодня.

Леди Анис страдает сейчас из-за особых привилегий аристократии и излишеств их спиритуалистской системы верований. Принц Альгард также был сбит с пути.

— Можно утверждать, что настоящего исхода нельзя было избежать. Даже если бы у Его Величества... даже если бы у Орфанса была сила установить мир, он недостаточно силен, чтобы преодолеть эту смуту. Вот почему королевству нужна принцесса Анисфия.

— Потому что леди Анис — еретичка?

— Еретичка? Полагаю, да. Но каков плод этой ереси? Только дворянство относится к ней с враждебностью. Народ в целом принимает ее такой, какая она есть. У нее есть новаторский дух, которого не хватает Орфансу — сила, чтобы вести всех нас к светлому будущему, которого мое поколение не смогло достичь.

— Вы очень высокого мнения о ней, не так ли, отец?

— Очень мало людей, которые по-настоящему пугают меня, и принцесса Анисфия — одна из них.

Он боится леди Анис? Я могла только уставиться на него широко раскрытыми глазами.

Я была удивлена вдвойне; не только существовали люди, вызывавшие трепет у моего, казалось бы, бесстрашного отца, но одной из них была леди Анис.

— Как ты, наверное, знаешь, принцесса Анисфия подобна сильнодействующему лекарству. Лучше держать ее вне поля зрения общественности, если это не абсолютно необходимо. У нее есть тенденция подталкивать темп прогресса за пределы того, что королевство может вынести.

— Каким образом?

— Ее магиология подобна маслу для воды традиционных спиритуалистических верований нашей родины — они просто не смешиваются. Тем не менее, перемены, которые она приносит, — это именно то, что королевству отчаянно нужно. Вот почему я рекомендовал ее на трон.

Отец откинулся на спинку дивана, сложил руки и устремил на меня непоколебимый взгляд.

— Но принцесса Анисфия не собиралась становиться королевой, вероятно, потому что понимала, что принц Альгард мог бы занять эту роль вместо нее. Она всегда была необычайно проницательной, даже ребенком. Я считал это весьма прискорбным. Поэтому, когда королевская семья попросила, чтобы ты стала будущей женой принца Альгарда, я счел это жизненно важной возможностью.

— Возможностью?

— Как только Альгард стал бы королем, а ты королевой, я намеревался сделать тебя осведомленной о более широкой ситуации и призвать тебя внедрить исследования магиологии принцессы Анисфии по всему королевству. Я надеялся использовать свое влияние, чтобы поддержать такие планы. Более того, я ожидал, что принц будет благоволить гармоничному правлению, подобно его отцу. Однако те, кто занимался его образованием, в частности, в Министерстве магии, позаботились о подавлении любых подобных склонностей. И теперь мы все увидели конечный результат.

Отец говорил прямо, его глаза мягко опущены. Я была удивлена, увидев в его осанке усталость. Он никогда не показывал даже малейших признаков утомления; было шоком видеть его таким уставшим.

— Ничто из этого не развивалось так, как мне бы хотелось. Временами я обнаруживал, что держусь за тонкую нить надежды — если бы только принцесса Анисфия проявила интерес к правлению под своим именем. Но затем я думал про себя: она слишком добра, чтобы стать королевой. Такая щедрость духа, конечно, может работать на пользу, но также может быть и серьезной слабостью. Особенно для того, кто будет править таким королевством, как наше.

— Отец...

— Но если нет альтернатив, наш единственный выбор — действовать с тем вариантом, который у нас есть. Даже если это в конечном итоге разорвет королевство надвое. При таком раскладе королевству осталось лишь время, чтобы разорвать себя на части. Ему нужно что-то, что запустит следующий этап его эволюции. По этой причине принцесса Анисфия просто обязана выполнить свои королевские обязанности. — Он сделал паузу, его глаза уставились прямо на меня, излучая непоколебимую волю. — Я хочу, чтобы принцесса Анисфия царствовала как королева. Это, я считаю, мой долг как главного дворянина этого королевства. Так что, даже выслушав меня, ты все еще будешь искать для нее другой путь, кроме трона, Юфилия?

— Я...

Отец продолжал смотреть в мою сторону, его взгляд был неумолим. Я была вынуждена на мгновение отвести взгляд. Я стиснула зубы и снова повернулась к нему лицом.

— Если я смогу найти способ, да. Неважно, насколько мала вероятность успеха... я буду продолжать пытаться.

— По какой причине?

— Потому что есть то, от чего я не могу отказаться, несмотря ни на что.

У меня было желание — не как у дочери герцога Мадженты, а как у меня самой, как у личности Юфилии Мадженты. Ради этого желания я буду продолжать идти до конца.

Впервые в жизни мое сердце так сильно кричало от желания, от потребности, говоря мне не оставлять надежду. Я больше не могла игнорировать этот крик. Даже если этот курс действий был эгоистичным с моей стороны, даже если он не подходит юной дворянке, даже если другие выступят против него.

— Многие будут спасены, если леди Анис станет королевой, и множество других будут питать к ней неприязнь, — сказала я. — Я не знаю, приведет ли ее правление в конечном итоге к процветанию или гибели — но я уверена в одном.

— И в чем же?

— Что ее настоящая улыбка исчезнет навсегда.

Я больше не буду отводить взгляд от отца. Он заявил, что считает своим долгом помочь ей взойти на трон. Несомненно, он будет упрекать меня за то, что я иду против него. Возможно, меня поставят в безвыходную ситуацию. И все же, если у меня был какой-то шанс осуществить перемены, мне сначала нужно было склонить отца на свою сторону.

— Улыбка принцессы Анисфии, говоришь ты? Это... важнее будущего королевства? — настаивал он.

— Для меня — да! Я не хочу, чтобы ее заставляли делать что-то ради блага страны! — Я прижала руку к груди, умоляюще глядя в глаза отца. — Будущее королевства перевешивает на чаше весов одну улыбку. И все же я не могу принять, что нет других вариантов! Я не могу этого принять — вот почему я не сдаюсь! Пока сама не убежусь, что действительно нет другого пути, кроме как ей быть королевой...! Даже если это означает, что я недостаточно хороша, чтобы быть дочерью дворянина... чтобы быть твоей дочерью!

Я была готова выбросить все, что до сих пор называла своим. Мое желание было живо, и я рисковала потерять все — свое положение, свою семью — прежде чем откажусь от него.

Это семя внутри меня выросло настолько сильным, что его нельзя было остановить. Я хотела этого не для кого-то другого, а для себя — и поэтому не могла его сдерживать.

— Даже если это означает потерять все? — тихо спросил отец.

Я говорила себе, что не буду отводить взгляд, но в конце концов дрогнула. Он не упрекал меня, не выражал разочарования. Казалось, он просто принимал то, что я сказала, за чистую монету.

— Ты вполне можешь потерять все. Ты так сильно заботишься о принцессе Анисфии, что готова зайти так далеко?

— Да.

— Из-за верности? Благодарности? Или, может, сочувствия? Что вдохновило в тебе такую глубину чувств? — недоверчиво пробормотал он.

Я взяла время, чтобы собрать дыхание, прежде чем посмотреть ему прямо в глаза.

— Потому что я дорожу ею. И все.

Верность, благодарность, сочувствие — в своем роде каждое из этих слов применимо. Так тесно переплелись мои эмоции. Так сильно я дорожила ею. Я хотела этого всем своим существом. Я была готова рискнуть всем.

Первый раз, когда она протянула мне руку, она предложила мне свет под названием надежда посреди безнадежной ситуации. Теперь я хотела защитить ее, ту, что так гордо говорила о неизвестных возможностях.

Этого для меня было достаточно. У меня было что-то, что нужно было защищать, что-то, выходящее за пределы логики и разума. Я хотела жить свободно, так, как она мне показала.

Отец продолжал смотреть в мою сторону, прежде чем его выражение внезапно смягчилось, и

он тяжело вздохнул.

— Я вижу, ты настоящая Маджента до мозга костей, — сказал он, прежде чем отвести взгляд.

— А?

Настоящая Маджента до мозга костей? Что это должно было значить?

Я наклонила голову набок в недоумении, когда отец продолжил. — Ты не принимаешь восхождение принцессы Анисфии на трон, да? Ты говоришь, что примешь другого правителя, если это вообще возможно, нет...? Я не скажу, что нет других возможных кандидатов.

<http://bllate.org/book/13973/1615434>